

Ирина Прокопова

НОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Вступление на правах манифеста

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить...

Федор Тютчев

Давно пора, е... мать,
Умом Россию понимать!

Игорь Губерман

Дорогой читатель!

Перед тобой — сотый номер «Нового литературного обозрения»: между выходом первого выпуска журнала и «НЛО» № 100 прошло ровно 17 лет...¹ Такие символические цифры обычно располагают к подведению итогов и думам о былом, но наш Неизвестный Летающий Объект по сути своей противится всем формам ностальгического самолюбования. Я рассматриваю весь доныне пройденный путь «НЛО» как важнейший подготовительный этап к подлинному старту, к формированию и формулированию принципов новой гуманитарной научной парадигмы.

С момента своего основания журнал последовательно шел к поставленной цели:

— На первом этапе главной задачей было собирание сил, то есть создание единого мощного пула российских гуманитариев, вынужденно оказавшихся в полу-маргинальном положении внутри страны или рассеянных по всему миру из-за невозможности самореализации в рамках советского научного истеблишмента.

— Одновременно с этим «НЛО» инициировал разрушение искусственных границ между зарубежной и отечественной русистикой и далее — между мировым и российским гуманитарным сообществом.

— Это потребовало долгой системной работы по заполнению огромных интеллектуальных лакун в российской гуманитарной науке, возникших отчасти в силу идеологических препон советского «закрытого» общества, отчасти из-за «замкнутой своеобычности российской мыслительной традиции» (как было сформулировано в «НЛО» № 1).

— Стартовав как филологический, и прежде всего как литературоведческий, журнал, «НЛО» при постановке новых задач постоянно испытывал на прочность границы и инструментальный потенциал дисциплины; совершая «вылазки» в соседние дисциплинарные пространства, журнал создал в итоге свой собственный междисциплинарный космос.

— И, наконец, в последние годы журнал вплотную подошел к критически-му пересмотру фундаментальных парадигмальных составляющих современной гуманитарной практики: задач и границ исторического знания, его категориального аппарата, институциональной базы производства новых смыслов, научной и гражданской позиции ученого, роли гуманитарных наук в мире технологических революций и глобализации и т.д.

Этот неукротимый пафос преобразования диктуется не только здоровыми научными амбициями талантливых команд «НЛО», но прежде всего тем изначальным импульсом, который привел к созданию журнала и определил траекторию его дальнейшего развития. Таким катализатором интеллектуального процесса стали революции 1989–1991 годов, ставшие потрясением для всего гуманитарного (и не только!) мира. Профессиональное сообщество столкнулось с явлением, которое в сложившейся конфигурации дисциплин оказалось никем не предвиденным, беспрецедентным, долго не находившим концептуального языка опи-

ИРИНА ПРОХОРОВА

сания и осмыслиения. Эта социальная революция нового типа, не случайно совпавшая хронологически с бурным рождением новых подходов и научных школ в международной гуманитаристике, в российском научном пространстве отозвалась более драматическим образом. Российское историческое знание (как социальный институт), несмотря на быстрое усвоение модных концепций, по существу, так и не преодолело изоляционистскую традицию изучения отечественного историко-культурного опыта как самодостаточной, закрытой Лейбницевой монады (или, если угодно, кантовской «вещи в себе»), со своими тайными законаами и путями развития, неведомыми не только внешнему наблюдателю, но и «инсайдеру». Этую оптику исследования сознательно или бессознательно разделяют как сторонники охранительного тренда (в стиле хомяковской «смиренной страны, полной веры и чудес»), так и приверженцы вестернизированного подхода (с их неутешительными выводами об извечном несоответствии страны общим европейским стандартам). Этот принцип лежит также в основе мощной зарубежной славистической индустрии изучения сталинизма как «уникального» российского вклада в трагическую историю XX века.

Априорное признание мифологемы об эксклюзивности, «экзотизме» России, усугубляемое традицией жесткого разграничения и гуманитарных дисциплин, и национальных историй, приводит к парадоксальной ситуации: установки традиционной российской гуманитарной науки на объективность и позитивистский подход, с его развитым изощренным инструментарием, фактически покоятся на мистическом, иррациональном фундаменте. Интеллектуальным результатом такой установки всегда оказывается «порочный» (и эссециалистский по своей сути) круг: либо декларирование «особого» пути, особой ментальности и «великой» миссии страны (иными словами — «золочение цепей»), либо возвращение к извечным проклятым вопросам: «что делать?» и «кто виноват?».

Если мы все же хотим отстоять статус исторического знания как науки, то есть стремимся «понять умом Россию», то, очевидно, настало время более решительно, чем прежде, ввести предмет исследования в международный контекст и попытаться найти новую оптику сравнительного изучения различных локальных историй.

Первый шаг в этом направлении был сделан «НЛО» в рамках спецпроекта, посвященного исследованию 1990 года², где на примере краткого исторического отрезка — последнего года существования советской империи — мы попытались проследить возникновение контуров новой российской реальности и тем самым переосмыслить многоуровневые и разнонаправленные процессы развития позднесоветского общества. Поставив в центр исследования переломный, революционный момент российской истории в точке наиболее интенсивных политических и социальных бифуркаций, мы смогли проанализировать процессы стремительного распада тоталитарной изоляционистской матрицы и формирования многообразных посттоталитарных образований не только на пространстве бывшего Советского Союза, но и в странах Восточной Европы. Вывод, сделанный из этого компаративистского исследования, противоречил традиционным пессимистическим представлениям о фатальной неготовности российского общества к позитивным трансформациям: наши авторы наглядно продемонстрировали, как в критический момент истории усилия различных социальных групп, креативность и инициативность формирующихся новых профессиональных сословий, смелые решения и действия как новой политической элиты, так и частных лиц, общий « дух эпохи», требовавшей перемен, позволили нарождавшемуся постсоветскому обществу избежать катастрофического сценария развития событий (в отличие, например, от Югославии) и найти интеллектуальные ресурсы для институционального и культурного строительства нового социума.

Сотый, юбилейный номер «Антропология закрытых обществ» знаменует собой новый этап в осмыслиении «чуда 1991 года». С одной стороны, он вновь актуализирует главный травматический вопрос, вытесняемый ныне как из культурной памяти, так и из официальной историографии, — об истоках и трагических последствиях российской радикальной модели тоталитаризма. С друг-

Новая антропология культуры

гой стороны, он концентрирует внимание на малоизученной специфике эволюции общества внутри тоталитарных систем, в итоге подтачивающей и разрушающей эту жесткую институционально-сословную решетку.

Если в предыдущем проекте мы сознательно ограничивались узким времененным диапазоном одного года, ставшим поворотным моментом в новейшей истории, то задачи этого номера потребовали, во-первых, определить в качестве предмета исследования механизмы преодоления российской традиции политического, экономического и культурного изоляционизма, во-вторых, рассмотреть их на более масштабном историческом отрезке последних 250 лет, то есть в контексте общей проблематики Нового времени. При этом нам казалось крайне важным сопоставить российскую специфику модернизационных процессов с драматическими сценариями таких стран, как Испания, Португалия, Германия, Япония, Чехословакия, Венгрия, Польша, Румыния, Куба, Аргентина и даже ЮАР.

Таким образом, тематическое ядро этого специального выпуска сформировалось на пересечении двух силовых линий: нового взгляда на модерность (так называемой теории «множественных модерностей» — «Multiple Modernities») и антропологических оптик исследования.

ДРУГИЕ МОДЕРНОСТИ

Нас принимают все за португальцев,
Мы говорим на русском языке...

Оскар Лещинский³

Термин «множественные» или «другие» модерности возник и закрепился в гуманитарной практике в конце 1990-х годов в рамках новой научной школы, которая была представлена в известном американском журнале «Daedalus», выпустившем в 2000 году специальный номер под таким названием⁴. Это направление, ключевыми фигурами которого являются Йоханн Арнасон⁵ и Шмуэль Эйзенштадт⁶, поставило своей задачей обобщить и критически переосмыслить концепции, лежащие в основе классических и современных исследований по теории и истории Нового времени. Понятие «множественные модерности» оспаривает как классический социологический анализ в духе Маркса и Дюркгейма, так и традиционные западные теории модернизации второй половины XX века. Все эти направления прямо или имплицитно рассматривают западноевропейский культурный проект модерности (в том числе и его институциональную специфику) в качестве эталона, который с неизбежностью должен копироваться и в итоге восторжествовать во всех странах, с опозданием присоединившихся к проекту модерна.

Драматическая реальность модерной эпохи, травматический опыт XX века (ужасы мировых войн, Холокоста, фашистских и коммунистических тоталитаризмов), распад Советского Союза и неоднозначные процессы глобализации поставили под сомнение состоятельность теории неизбежной гомогенизации мира в соответствии с «западноевропейской матрицей». Вместо этой теории концепция множественных модерностей предлагает рассматривать историю Нового времени и наследующую ему современность как непрерывный процесс (ре)конструирования различных вариантов модерных обществ. Подобная «девестернизация» модерного опыта открывает большие перспективы для более нюансированного и в то же время более системного сравнительного изучения локальных историй. Об этом свидетельствует немалая интеллектуальная активность в странах Восточной и Центральной Европы (см. об этом статью Пола Блоккера в этом номере)⁷. Идея изучения истории России как варианта «альтернативной» модернизации продуктивно используется также рядом историков-славистов нового поколения⁸.

Для замысла этого номера «НЛО» в теории множественных модерностей оказалась особенно важна идея развития, континуальности, которая отрицает эсхатологию марксистской традиции и недавних манифестов о «конце исто-

ИРИНА ПРОХОРОВА

рии» и «столкновении цивилизаций»⁹. Во-первых, с точки зрения этой теории, Новое время предстает как «молодая» эпоха в стадии становления и формирования, а не как одряхлевшая общественно-политическая формация, движущаяся к закату. Во-вторых, теория множественных модерностей дает возможность преодоления эссеционалистского подхода к драматическому процессу модернизации «неблагополучных» стран, и прежде всего России.

Этот антиэссеционалистский пафос стал смысловой доминантой нашего юбилейного номера. Мы сознательно отказываемся от привычной дифференцирующей терминологии в отношении модерных обществ (демократические/ тоталитарные, развитые/ развивающиеся), вводя более гибкие категории «открытости»/ «закрытости» социальных структур. Заимствовав знаменитую дихотомию у Карла Поппера¹⁰, мы, однако, критически переосмысливаем, предлагая трактовать ее не как оппозицию идеального, вневременного образца модерного общества и общества традиционного, племенного, а как «агрегатные» состояния различных социумов *внутри модерности*, способных к трансформациям как в направлении открытости, так и в направлении закрытости под влиянием различных исторических обстоятельств. (В связи с этим точнее было бы говорить не об «открытых»/«закрытых», а об «открывающихся»/«закрывающихся» обществах.)

Если большинство теорий Нового времени (включая концепцию множественных модерностей) связывает образование изоляционистских (то есть «закрытых») обществ в основном с травматическим периодом начальной стадии модернизации, то мы полагаем, что феномен открытости/закрытости присущ модерности как таковой — это ее родовая черта и фундаментальная драма. Угроза политической, экономической и культурной изоляции, как дамоклов меч, нависает над любым социумом и может реализоваться на любом этапе модернизации (достаточно вспомнить катастрофический сценарий нацистской Германии как наиболее радикальный пример или мощный крен в сторону закрытости в США эпохи маккартизма или после 11 сентября 2001 года). Наша гипотеза, с одной стороны, еще больше подчеркивает неоднозначную природу модерности, но, с другой, дает надежду и на возможность изменения траектории развития, на обжалование приговора о «фатальной предрасположенности» к закрытости.

Возникает закономерный вопрос: какие черты определяют состояние закрытости, что именно капсулируется в социальном организме, в котором перевесила тенденция к изоляции? Ответ на этот вопрос вытекает из базовых характеристик самой модерности. При всех разногласиях исследователи сходятся во мнении, что Новое время конституируют следующие классические составляющие:

- Радикальные трансформации политической организации общества, появление мира публичной политики и соответствующих ей институтов.
- Революция в экономике, торжество частной инициативы.
- Появление светской культуры и все более свободное распространение информации.
- Социальная и пространственная мобильность людей и т.д.

Таким образом, разнообразие сценариев модерного развития и степени закрытости/открытости обществ, реализующих эти сценарии, зависят от того, какие сферы жизни и в какой степени подвергаются консервации и архаизации. Однако в такой постановке вопроса таится угроза «normalizatorskogo» дискурса — соблазн нивелировать принципиальные различия обществ, без труда находя даже в самых открытых модернизационных проектах многие черты закрытости (и наоборот). Это часто происходит в силу абсолютизации одного из элементов модерности и одномерного анализа ее закономерностей. Так, например, поступает Хабермас при сопоставлении «западной» и «советской» форм социального устройства. Рассматривая эти альтернативные модели преимущественно в контекстеластной парадигмы, он приходит в выводу, что, вопреки многочисленным системным различиям, в долгосрочной социокультурной перспективе обе модели вполне сходны, ибо одинаково ведут к «колонизации жизненного опыта», к эрозии общественной воли и демократических инициатив¹¹. В против-

Новая антропология культуры

Вовес подобному подходу Йоханн Арнасон справедливо предлагает проводить сравнительный анализ трех уровней развития социума: политического, экономического и культурного, и на пересечении этих асинхронных процессов выстраивать многомерный подход к проблеме открытости/закрытости.

Для исследователей, биографически связанных с постсоветским пространством и в большинстве своем обладающих непосредственным опытом существования в жестком закрытом обществе, главный моральный императив их научной деятельности состоит в поисках адекватных оптики и концептуального языка для описания травматического исторического наследства. Нам представляется, что найти их возможно, если признать подлинным ядром модерности как философского и социального проекта радикальное изменение концепции человека и его места во временной перспективе, автономизацию личности от традиционных политических и культурных авторитетов, расширение социальных ролей, стратегий личного успеха и т.д. Не случайно при выборе рабочей метафоры мы обратились к Карлу Попперу, который связывал открытое общество не столько с формами правления и потребления, сколько со степенью личной свободы и защищенности индивида от властного произвола.

Ставя во главу угла нашего спецпроекта человека — субъекта процесса «открытия» в его персональном и коллективном измерении, — мы сознательно вводим в качестве основополагающего элемента исследования этический компонент, то есть возвращаемся к основам веберовской концепции понимания культуры.

Более того, смешая центр анализа с макроуровнем политico-экономических абстракций на микроуровень отдельных личностей, «малых» социальных групп, практики повседневной жизни, мы делаем антропологический подход концептуальным стержнем всего спецномера.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

Аналитический путь, который надо проделать, состоит, при первом приближении, в том, чтобы вернуть научные практики и языки на их родину... в повседневную жизнь. Это возвращение, сегодня заявляющее о себе все более настойчиво, парадоксальным образом является также отдалением от дисциплин, строгость которых измеряется четкостью их границ.

Мишель де Серто

Провозглашая антропологическую оптику главным содержательным и конструкующим принципом юбилейного выпуска «НЛО», мы менее всего были склонны опереться на одну из многочисленных антропологических школ или систему идей определенного мыслителя. Мы употребляем этот термин скорее в качестве обозначения мощного интеллектуального тренда в гуманитарном мире XX века, становившегося все более влиятельным прямо пропорционально распаду «больших нарративов» и параллельно естественно-научным открытиям о строении космоса и природе человека. Этот «антропологический поворот» можно рассматривать и как часть общего процесса демократизации исторического знания, которое с большим опозданием — по сравнению с художественной практикой — перестраивается от повествования о «богах и героях», от хроник царств и биографий тиранов к созданию истории жизни приватного человека. Такие разные и часто оспаривающие друг друга ученые, как Макс Вебер, Норберт Элиас, Гарольд Гарфинкель, Ирвин Гофман, Пьер Бурдье, историки школы «Анналов», Мишель де Серто, Клиффорд Гирц, Энтони Гидденс и многие другие, объединены общим пафосом отказа от обезличенных универсальных «отмычек» в исследовании истории человеческой цивилизации. Все они так или иначе пришли к идее изучения сложных законов работы общественного механизма через персональную историю, историю эмоций, повседневные практики, индивидуальные поступки. Так, например, Поль Вен, говоря об исторической антропологии, справедливо за-

ИРИНА ПРОХОРОВА

метил, что если ранее она «оставляла за кадром проблему самоидентификации личности, личного интереса, целеполагания, индивидуального рационального выбора и инициативы, то в конечном счете ответ на вопрос, каким образом унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяли поведение людей в специфических исторических обстоятельствах (а тем самым и весь ход событий и их последствия), потребовал выхода на уровень анализа индивидуального сознания, индивидуального опыта и индивидуальной деятельности»¹². Признание первичности влияния микроуровневых трансформаций на изменение глобальных политических и экономических процессов сторонниками антропологического тренда, утверждение ими значительно большей автономии общественных групп и индивидов по отношению к властным структурам, чем это постулировалось в теориях «больших нарративов», находит, в частности, свой отклик и в идеях М. Кастельса о сетевом обществе, и в концепции ризомных обществ Делёза и Гваттари. (Эти тезисы подтверждаются и революцией в естественных науках; например, расшифровка генома показала, как мельчайшие изменения в генетической цепочке влекут за собой появление нового вида животного организма или приводят к эволюционным процессам в строении человека.)

Неудивительно, что антропологический вектор стал одним из центральных в отечественной гуманитарной мысли (вспомним работы Ю.М. Лотмана, А.Я. Гуревича, М.Л. Гаспарова, Михаила Ямпольского, Андрея Зорина, Валерия Подороги, Александра Эткинда, Константина Богданова, Бориса Дубина, Алексея Левинсона, Ильи Утехина и др.). Процесс «открывания» страны, стремление к эманципации социальной и научной сферы обусловили переход исследователей от жестких обобщенных тотальных построений к более гибкому, детализированному, индивидуализированному изучению человека и культуры, от текстоцентричности — к визуальности и телесности, иными словами, от бинарных оппозиций и внимания к интертекстам — к культурной и философской антропологии.

Мы рассматриваем спецномер «Антропология закрытых обществ» как начало масштабного долгосрочного проекта, поэтому вынужденно вывели за скобки этого исследования целый ряд фундаментальных проблем изучения модерных обществ, к которым собираемся вернуться в последующих номерах журнала: сравнительный анализ и систематизация причин, приводящих к частично-му/полному, однократному/периодическому закрыванию различных социумов; детальное описание различных моделей изоляционистских обществ, внешние и внутренние причины (не)долговечности подобных образований, эволюция и трансформация модерности на современном этапе и т.п.

Мы сосредоточиваемся на постановке и решении одной важной задачи: специфике модернизационных процессов в «закрытом» обществе, позволяющей ему в конечном итоге найти необходимые ресурсы для открывания. Наша гипотеза состоит в следующем: исходя из концепции современной личности, которая ориентирована на строительство будущего посредством автономизации от властных структур, мы приходим к выводу, что при самоизоляции страны и резком сужении социальной сферы деятельности эти модерные принципы личностной самоидентификации все же продолжают работать. Это заставляет как различные микрогруппы, так и отдельных людей искать способы реализации модерного проекта иначе, чем в традиционно более открытых обществах.

Наше предположение заключается в том, что в эпохи «закрытости» общество и культура вырабатывают некоторые компенсаторные механизмы, с помощью которых в редуцированном публичном пространстве могут происходить трансляция смыслов и воспроизведение элит, а также появляться какие-то инновативные практики и социальные формы. Нас интересует и то, как эти механизмы рождаются и функционируют в ситуации изоляции, и то, что происходит с ними после «приоткрытия» или окончания эпохи закрытости: трансформируются ли они, подвергаются ли перекодировке, исчезают вовсе или остаются неизменными (см. об этом рубрику «Механизмы социальной компенсации»).

Одним из мощнейших компенсаторных механизмов «закрытого» общества, по нашему мнению, становится дискурсивная культивация эмоций, в то вре-

Новая антропология культуры

мя как «открытые» общества в публичном пространстве эксплуатируют метафоры rationalности. В «закрытых» обществах эмоции, чувство являются формами персональной и групповой идентификации («мы – самые щедрые и гостеприимные», «загадочная русская душа», «бездуховный Запад», «другим нас не понять» и т.п.); мистицизм оказывается неотъемлемой частью культурной и социальной практики, в литературе и искусстве понятия «искренности», «душевности», «правдивости» становятся важнейшим эстетическим критерием; в политической сфере взвинченная мобилизационная риторика замещает собой правовую и экономическую конкретику, в экономической сфере апелляции к энтузиазму используются для социальной мотивации. Этой проблематике посвящена рубрика «Производство эмоций».

Другая важная рубрика номера – «Риторика легитимации» – посвящена тому, как различные «закрытые» политические режимы говорят о собственной структуре и представляют ее онтологически заданной и единственно возможной. Статьи рубрики «Производство знания: литература» рассказывают о драматическом и часто деструктивном поиске новых смыслов через метафорику художественного текста – в силу репрессивного подавления социальных наук и свободы слова. Рубрика «Коммуникационный разрыв» освещает проблему срывающегося диалога между представителями «открытых» и «закрытых» обществ из-за различий в существующих кодах публичности.

«Закрытое» общество вынуждает социально активных и творческих людей искать новые и адаптировать к своим целям уже имеющиеся пространства и официальные институции (см. рубрики «Производство институций», «Производство знания: наука»), а также создавать альтернативные структуры для инновационной художественной деятельности. Исследовательское описание этих поисков влечет за собой переосмысление функций и задач неподцензурного искусства (см. раздел «Производство альтернативности»).

Подробный сравнительный анализ скрытой механики социальных процессов внутри различных изоляционистских моделей (см. рубрику «Сценарии адаптации и сопротивления») позволяет понять, каким образом в «закрытых» обществах, которые внешнему наблюдателю кажутся абсолютно архаичными и статичными, мощная подземная работа модерного сознания в конечном итоге выходит на поверхность, взламывая ледовый панцирь изоляционизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ В СТИЛЕ ФУТУРОЛОГИЧЕСКИХ МЕЧТАНИЙ

Плох тот ученый, который не хочет создать единую теорию мироздания. На такую демиургическую роль претендовали создатели больших философских и исторических нарративов. Недаром со всех сторон несутся жалобы на отсутствие обобщающей теоретической рамки для социальных и гуманитарных наук, что якобы парализует развитие научной мысли.

Что ж, мы не против новых глобальных концепций; весь вопрос в том, в каком структурированном культурном пространстве они появятся и как они, в свою очередь, модифицируют эту сферу. И главный вопрос: возникнут ли эти обобщающие идеи в привычном формате – пантеона из десяти гуру, каждый из которых возглавляет свою научную школу и пытается монополизировать «право на истину», а их школы постоянно осуществляют военные «вылазки» против конкурентов? Нельзя ли представить ситуацию, к которой нас подводит современная исследовательская практика (в данном случае опыт создания «Антропологии закрытых обществ»), когда будущие универсальные проекты, реализующиеся через антропологическую оптику, будут осуществляться объединенными усилиями представителей различных дисциплин и областей знания в зависимости от конкретно поставленной проблемы и ракурса исследования. Иными словами, вместо традиционно воюющих за интеллектуальное господство научных школ, укорененных в привычной системе производства знаний, мы будем свидетелями формирования разнообразных, динамично ре-

ИРИНА ПРОХОРОВА

группирующихся междисциплинарных констелляций исследователей, создающих новые институциональные площадки для научных поисков (о возможности объединения профессиональных усилий гуманитарного сообщества и новых перспективах научного знания в связи с появлением новых технологий и прежде всего виртуального пространства Интернета пишет в заключительном эссе этого номера Владимир Друк).

Позволю себе высказать смелую догадку, что, возможно, мы стоим на пороге возникновения новой научной парадигмы, которую очень условно можно назвать «новой антропологией культуры». В этой новой системе координат будут пересмотрены совокупность подходов, понятийных категорий, профессиональных навыков и дискурсивных средств для создания новой истории цивилизаций и новой исторической периодизации, концептуальным стержнем которых станет жизнь человека в его разветвленных связях с другими людьми, социальными группами, институтами власти, его стратегии выживания, креативности, самореализации в разных исторических обстоятельствах, его усилия по расширению сферы автономного и независимого существования. Изучением смутных очертаний этого неизвестного научного объекта и посильным формированием его концептуального аппарата, очевидно, и займется «НЛО» в последующих ста номерах журнала.

- 1 Первый номер журнала «Новое литературное обозрение» вышел в свет 26 декабря 1992 года.
- 2 См.: НЛО. 2007. № 83, 84: 1990: опыт изучения недавней истории. Этому журнальному спецпроекту сопутствовали Банные чтения 2007 года «Конструирование уходящего: недавнее прошлое как объект исследования».
- 3 Лещинский О. Серебряный пепел. Париж, 1914. С. 6. Выражают признательность Р.Д. Тименчику за знакомство с этим стихотворением.
- 4 Daedalus. Journal of the American Academy of Arts and Sciences. 2000. Vol. 129, № 1: Multiple Modernities. За два года до этого в журнале появился специальный выпуск о проблемах раннего Нового времени: Daedalus. 1998. Vol. 127. № 3: Early Modernities.
- 5 Arnason Johann. The Future that Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model. N.Y.: Routledge, 1993; *Idem*. The Peripheral Centre: Essays on Japanese History and Civilization. Rosanna: Trans Pacific Press, 2002; *Idem*. Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions. Boston: Brill, 2003.
- 6 Eisenstadt S.N. European Civilization in a Comparative Perspective. Oslo: Norwegian University Press, 1987; Reflections on Multiple Modernities. European, Chinese and Other Interpretations / Ed. by Dominic Sachsenmaier and Jens Riedel with Shmuel N. Eisenstadt. Boston: Brill, 2002.
- 7 Блоккер Пол. Сталкиваясь с модернизацией: открытость и закрытость другой Европы / Пер. с англ. А. Маркова // НЛО. 2009. № 100. С. 18.
- 8 См., например: Russian Modernity: Politics, knowledge, practices / Ed. by David Lloyd Hoffman and Yanni Kotsonis. Houndsmill, UK: MacMillan Press, 2000.
- 9 Fukuyama Francis. The End of History and the Last Man. N.Y.: Free Press, 1992; Huntington Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon & Schuster, 1996. Русские переводы: Фукuyama Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ; Ермак, 2005; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимееева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003.
- 10 Поппер, в свою очередь, полемически заимствовал ее из работы Анри Бергсона «Два источника морали и религии», где она и была впервые введена. Подробнее см.: Петросян В.К. Компаративистский анализ концепций «открытого общества» А. Бергсона и К. Поппера // Социологический журнал. 2009. № 3. С. 118–131.
- 11 Habermas Jürgen. The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society; Vol. 2: Lifeworld and System: a Critique of Functionalist Reason. Boston: Beacon Press, 1984; Habermas Jürgen. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, UK: Polity Press, 1989.
- 12 Вен Поль. Как пишут историю: Опыт эпистемологии / Пер. с фр. Л.А. Торчинского. М., 2003. С. 219.